

Как давно я не была на Брянке...

Как непростительно долго я собиралась на свою малую родину. И вот крутые повороты, подъёмы и спуски по гравийной, разбитой донельзя трассе Епишино — Северо-Енисейск. До милой моему сердцу Брянки от епишинского парома всего сто двадцать пять километров, но они кажутся нескончаемо длинными, и не столько из-за жуткой тряски по разбитой дороге, которая даже для внедорожника была серьёзным испытанием, сколько из-за сжигающего нутро нетерпения...

Увлажнились глаза, защемило сердце, когда ещё за добрых два десятка вёрст над дорогой повисли каменные обрывы. Скоро Брянка... Посёлок появился всё равно неожиданно: сначала открылась панорама правого скалистого берега Большого Пита, потом густая зелень реки, крыши домов, и над этими родными с детства картинами — огромный железнодорожный мост, подмявший под себя Брянку, поглотивший её. Как когда-то выразилась мать моей подруги детства Людмилы Кочиной (Царствие им обеим небесное!) — «жемчужное ожерелье на шее дряхлой старухи».

... Проездом на север я была на Брянке лет так пятнадцать назад. Той зимой посёлок утопал в снегу по самые крыши. Я не узнавала знакомые с детства улочки — машина увязала в снегу, из-за высоких сугробов были видны только крыши домов. Тихо, безлюдно, неприветливо, и ощущение, что вернулась на родину, не приходило... А теперь я люблю Брянку и снова не узнаю её. Давно снесли дом, в котором я выросла, вырубил чудесную черёмуху, что росла под окном и была общей любимицей

семьи и моих школьных подружек... Но мы с братом Павлом обошли всё вокруг: почти зарос травой широкий и глубокий овраг за огородом, который в весеннее половодье заполнялся питской водой, а мы бреднем ловили в нём малявок — мелкую рыбёшку; рядом — полусгоревший дом соседки тёти Веры Юртаевой, заброшенная усадьба большой семьи Вакуловых... Скорбно сжалось сердце — столько воспоминаний связано с нашим тихим переулком. Даже Пит, такой знакомый и близкий Пит, кажется узким и каким-то блёклым, потускневшим, утратившим свою прежнюю красоту...

Моё детство и юность прошли у этой реки — изумрудно-зелёной в ясный солнечный день и малахитово-грозной в непогоду. В короткое лето мы, ребятя, купались в Питу до посинения, выскакивали, стуча зубами от холода, к костру, огонь в котором поддерживали пацаны, уже согревшись и готовые вновь нырнуть в обжигающую холодом воду. Пит — река неширокая в районе Брянки, метров двести пятьдесят всего, но глубокая, и течение быстрое, особенно посередине. Каждое лето кто-то тонул, кого-то искали, но находили далеко от посёлка, чаще всего в устье речки Лендаха, что в семи километрах ниже по течению. И тем не менее смельчаки постарше легко переплывали Пит; правда, быстрина далеко сносила пловцов. Лет в четырнадцать я уже и сама смело делала заплывы, заходила в воду на самом глубоком месте, чуть пониже временного деревянного моста, течение подхватывало лёгкую добычу и стремительно несло вниз, немного прибывая к противоположному берегу. Мама (наш дом стоял на берегу) с тревогой наблюдала за моей дуростью. Обычно я выходила из воды почти напротив дома, у Больших Камней — огромных валунов, уходящих от скалы глубоко в реку, и махала маме рукой, а вернувшись с купания, кротко выслушивала её назидание: вот Володька Диркс, уже взрослый мужик, утоп — и не нашли, вот...

В ноябре Пит уже «вставал», и теперь у берегов молодёжь расчищала место для катка. Вооружившись

пёхлами — так у нас называли большие фанерные лопа-
ты для уборки снега,— мальчишки постарше ловко уби-
рали снег с ещё тонкого льда, а мы, мелюзга, берёзовыми
вениками-голиками подметали его остатки. Едва закон-
чив уборку, верёвками прикручивали на валенки коньки-
«снегурки» и катались, забыв про уроки и домашние за-
дания. А ещё парни вбивали в лёд металлическую трубу,
крепили на неё колесо от телеги, к ободу привязывали
длинные жерди с деревянными санками. Мы усажива-
лись на них, пацаны раскручивали колесо кольями, и кар-
русель крутилась по-сумасшедшему. Удовольствием это
было и для взрослых...

Брянка. Почему — Брянка? Ведь на фоне эвенкийских
посёлков — Токма, Вангаш, Аяхта, Панимба, Чиримба,
Енашимо, Калами — название звучит истинно по-русски.
Мне так и не удалось узнать, откуда взялось название
речки и посёлка (хотя вот интересный факт: есть город
Брянка в Луганской области на Украине и речка Брянка
в Бурятии), а вот то, что ещё в двадцатых годах прошло-
го века на месте Брянки было зимовье — это точно. Как
ответила на мой запрос заведующая архивным отделом
администрации Мотыгинского района, первое упомина-
ние о Брянке обнаружено в документах за 1932 год, тогда
посёлок (до 1949 года) входил в состав Удере́йского райо-
на, ныне Мотыгинского, и что в 1935 году на Брянке уже
было построено несколько домов. Почему-то я убеждена,
что дома эти были поставлены на пологом левом берегу
Пита...

Река разделила наш посёлок на две стороны — «ту»
и «эту». «Этой» была моя, левая, сторона: здесь на ши-
роком каменистом берегу были родительский дом, дет-
ский сад, участковая больница, магазин, электростанция,
контора с вывеской «Интеграл», куда местное население
сдавало ягоды, кедровые орехи, грибы, черемшу, охот-
ники — пушнину. По воспоминаниям моих родителей,
на нашей стороне реки в годы войны работали кирпич-
ный и кожный заводы. Школа! Как я могла забыть про

школу — самое светлое, что связывает меня с моей малой родиной?! Я пошла в первый класс в новую двухэтажную школу-десятилетку. Официально она была сдана в эксплуатацию в феврале 1953 года, но за полгода, 1 сентября, занятия начались уже в новом здании. До важного в жизни Брянки события — открытия десятилетки — была семилетка (с 1937 года), и располагалась она в двух приспособленных зданиях — их называли большой и маленькой школами, а ещё до этого один год поселковые ребятишки прошли обучение в начальной школе. С момента появления у нас средней школы был организован и интернат для учащихся из близлежащих сёл — из Пит-Городка, Широкого, Ведуги, Чиримбы...

А вот «та», правая, сторона, расположившаяся в долине между двумя сопками вдоль чистойшей, ледяной даже в июльскую жару речки Брянка, похожей скорее на ручей, впадающий в Пит, была, так сказать, производственной. К 1937 году был построен Комсомольский тракт от Брянки до Рудника, так тогда Северо-Енисейск называли; в посёлке открыли гараж, который позже стал автотранспортной конторой (БТК), там же был заготовительно-складской цех (БЗСЦ) со своим конным двором, бригадами лесорубов (ведь заготавливали на Брянке древесину для всего района). Большой флот илимок перевозил грузы из Усть-Пита до Брянки, а из подсобного хозяйства в Пит-Городке — овощи, свиней, птицу. Мой старший брат Павел подростком летом работал коногоном и иногда вспоминает, как пара коней, погоняемая мальчишкой-коногоном, по каменистому берегу тянула вверх по реке тяжёлую илимку, а управлял этой большой лодкой с грузом лоцман; он помнит Алексея Астафьева, Ивана Блянкинштейна, Николая Щетинина, знавших все глубины, шивёры и мели на Питу как свои пять пальцев...

Вся инфраструктура — «Золотопродснаб», пожарка, клуб, почта, коммутатор связи, пошивочная мастерская, рабочая столовая и местная власть (поссовет) — тоже располагалась на «той» стороне. Здесь же, в устье речки Брянка,

были построены вместительные склады, куда завозили продукты и товары для нужд золотодобытчиков.

Не одно десятилетие Брянка считалась южным форпостом района, перевалочной базой по снабжению продуктами, товарами, бензином, взрывчаткой золотодобывающих рудников, приисков, поселков. Примерно в середине пятидесятых годов грузы на Брянку стали доставлять из Красноярска по Питу уже не на илимках, а на баржах большой грузоподъёмности, тянули их вверх по реке колёсные пароходы. Весной, после ледохода, вода в Большом Питу поднималась до необходимого для судоходства уровня, вот тогда, по большой воде, и начинался караван. Первым приходил маленький катерок «Путейский», а уж потом — колёсные пароходы: «Самородок», «Багратион», «Хирург Пирогов», «Шухов»; они тянули тяжёлые баржи и подавали протяжные гудки из-за кривуна, за которым открывалась Брянка... И всё население левого берега

Вот отсюда, из-за кривуна, приходят на Брянку пароходы

высыпало к реке, первый караван встречали пальбой из охотничьих ружей. Пароходы «парковали» свои баржи у пристани для разгрузки и, развернувшись, налегке уходили вниз по реке до Усть-Пита, а оттуда вверх по Енисею до Красноярска...

За две недели июня посёлок принимал тысячи тонн груза. На разгрузку командировалось мужское население из всех близлежащих населённых пунктов района, работали столовые, организованы были быт и отдых «караванщиков», непрерывно работали транспортёры, заполняя склады на обоих берегах реки. Население района было обеспечено продуктами питания и товарами первой необходимости на полгода — до зимника.

Ну а потом в дело включался грузовой автомобильный транспорт. Водителям, что осваивали Комсомольский тракт и развозили грузы по разбитым грунтовым дорогам района, ещё при жизни памятники ставить надо было; назову только пришедшие на память фамилии шофёров, которые меня, студентку пединститута, спешащую на каникулы домой, подвозили из Рудника до Брянки: Анатолий Солдаев, братья Пётр и Николай Хохлины, Илья Зобов, Владислав Кожевников, Михаил Блянкинштейн, Андрей Матиев, Владимир Баркалов, Гелий Рычков. Это они по пыльной и тряской дороге летом и среди сугробов зимой на разбитых полуторках почти «пешком», за двадцать часов, а то и за сутки, преодолевали расстояние в сто семьдесят километров, приступом брали крутые подъёмы, на один Дунькин Пуп (есть такая гора на трассе), как на Эверест, по нескольким часам взбирались.

В зимнее время от Епишино до Брянки была одна дорога — старый Нифантьевский тракт: тянулся он по горам до устья небольшой речки Сухой Пит, а далее — по замёрзшему, заснеженному Питу. В пятидесятые — шестидесятые годы этот зимник от снега расчищали тракторами с деревянным «клином». Уроженец Брянки, старожил Николай Игнатьевич Солдатов вспоминал те тяжёлые времена (сам работал сначала шофёром, потом начальником

гаража), как мучились на этой дороге водители стареньких маломощных ЗИС-5, которые топились чурочками, что заготовливали в БЗСЦ. Это уж потом появились ЗИЛы, ЗИСы, МАЗы, УРАЛы, КраЗы, КАМАЗы... Первые автобусы стали одолевать дорогу от Брянки до районного центра уже за двенадцать часов. Это был прогресс!

Цивилизация в нашу глубинку пришла уже в конце двадцатого века, когда заявило о себе Олимпиадинское месторождение золота, когда за пять месяцев проложили дорогу по тайге и болотам от Епишино до Ведуги (через Брянку), а в самой Брянке к 1989 году построили гигантский мост. Брянка утратила своё предназначение перевалочной базы и, кажется, растерялась...

Снесены за ненадобностью многотонной вместимости деревянные склады, на их месте на левом берегу выросли жилые дома. На правом берегу, в устье речки Брянка, теперь пустынно. Над местом, где был пятнадцатый склад, как одинокий утёс, местная достопримечательность — скала Любви с острыми уступами, крутыми, извилистыми, не зарастающими с годами тропинками к малюсеньким площадкам, окружённым серо-чёрными камнями. Места свиданий, встреч, признаний и расставаний. Поистёрлись на скале надписи, оставленные приезжавшими сюда по доброй воле и в ссылку (а таких в посёлке было немало, судя по фамилиям: Барнатовичус, Блянкинштейн, Бергеншток, Акконен...). Экипажи пароходов тоже оставляли на скале о себе память: «Багратион» — 1952 г., «Шухов» — 1959 г., «Адмирал Ушаков» — 1961 г., «Софья Ковалевская» — 1966 г.

Мост, только огромный мост, как гигантская хищная птица, раскинул свои крылья над рекой и её берегами да кирпичное трёхэтажное здание — приметы современной Брянки. В трёхэтажке теперь сосредоточена вся культурная жизнь некогда большого посёлка, насчитывавшего в добрые времена до трёх тысяч человек (теперь — около семисот): средняя школа, детский сад, больница, аптека. Поселковой администрации нет (а полсотни лет назад, когда

я родила на Брянке сына, свидетельство о его рождении было выписано в поссовете). Теперь же исполнительная власть — в районном центре, в Северо-Енисейске: брак зарегистрировать, рождение ребёнка, смерть близкого человека, сделку какую, заявление на ремонт квартиры — пожалуйста за сто семьдесят километров по разбитой гравийной дороге, такой, какой она была и сорок, и пятьдесят, и шестьдесят лет назад.

Автор на фоне моста

В первые годы, когда власть в районе возглавил Ишмурат Гайнутдинов, северяне верили: глава свой, местный, заверял земляков, что дорога от Брянки до Северо-Енисейска будет заасфальтирована, — а теперь горько шутят: за эти годы полотно можно было покрыть тонким слоем золота, что добывают на Олимпиаде...

Дорога от Брянки до Епишино вызывает не меньше нареканий и возмущений от владельцев личных авто, предпринимателей, снабжающих местное население всем необходимым, и водителей тяжёлой техники, ежедневно поставляющих грузы на Олимпиаду. В Интернете уже года три «гуляют» снимки бывшего жителя Брянки Сергея Ленкина, на них жутковатые картины того, как вязнут в дорожной грязи большегрузные КАМАЗы и лёгкие иномарки (кстати, посмотрела сегодня снимки из его альбома «Дороги

Севера», они и сейчас есть в «Одноклассниках»), — тяжёлое зрелище. А ещё почитала нелестные в адрес районной власти комментарии...

Как выживает и выживет ли Брянка в этих условиях? Ведь исчез же с карты Северо-Енисейского района Пит-Городок, большой и красивый посёлок, расположенный в тридцати шести километрах от Брянки вверх по Питу, оставивший только заброшенные избы, заросшие травой и молодым осинником гектары полей, горькую память вынужденно покинувших родные места жителей и своё необычное название... Года три назад бывшие «питские» (так они себя называют) собирались на встречу земляков в Красноярске, недобрым словом вспоминая тех, кто лишил их малой родины. Не постигнет ли такая участь и моих земляков из маленькой Брянки, живущих в нелёгких условиях и не имеющих возможности сменить место жительства? Вопросы без ответа...